

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 811.114:811.133.1:811.161.1:821

ИМАГОТЕМА «ЖЕНА ДЕКАБРИСТА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛИНЫ АННЕНКОВОЙ»), РОМАНА А. ДЮМА «LE MAÎTRE D'ARMES» И РОМАНА И. ФРЕН «JE TE SUIVRAI EN SIBÉRIE»)

Воскресенская Наталья Александровна

Заведующий кафедрой, кандидат филологических наук
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
SPIN-код: 9805-4705

Козлова Анастасия Алексеевна

Аспирант,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
SPIN-код: 5500-1232

В статье рассматриваются речевые средства репрезентации имаготемы «Жена декабриста» в романах представителей французской нации – Полины Гель, Александра Дюма, Ирэн Френ. Выбранные для проведения анализа литературные произведения написаны в жанре литературы путешествий и посвящены единой теме – описанию императорской России первой половины XIX века и, в большой степени, восстанию декабристов 1852 года. При осуществлении исследования применяются методы лингвоимагологии, методы лингвистического наблюдения, компонентного анализа, структурный и сопоставительный методы. Анализ лексических средств, используемых авторами, помогает выявить основные составляющие выбранного образа с позиции изображения одной из ключевых фигур русской культуры и истории глазами представителей французской нации. В ходе исследования прослеживается семантическая и эмотивная составляющие имаготемы «Жена декабриста» в разные временные периоды.

Ключевые слова: роман Ирэн Френ «Je te suivrai en Sibérie», роман Александра Дюма «Le maître d'armes», «Воспоминания Полины Анненковой», имагологический образ, французская и русская культуры, рецепция образа, репрезентация образа, имаготема, образ жены декабриста.

THE IMAGE OF THE "DECEMBRIST'S WIFE" IN FRENCH LITERATURE OF TRAVELS (BASED ON THE "MEMORIES OF POLINA ANNEKOVA", THE NOVEL BY A. DUMAS "LE MAÎTRE D'ARMES" AND THE NOVEL BY I. FRENE "JE TE SUIVRAI EN SIBÉRIE")

Voskresenskaya Natalia Aleksandrovna

Associate professor, Candidate of Philological Science
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, N. Novgorod, Russia

Kozlova Anastasiya Alekseevna

Postgraduate student,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, N. Novgorod, Russia

The article examines the linguistic means of representing the image of the "Decembrist's Wife" in the perception of representatives of the French nation – Poline Gueble, Alexandre Dumas and Irène Frain. The chosen for analysis texts are written in the genre of travel literature and focus on a unified theme – the description of imperial Russia in the first half of the 19th century, especially, the Decembrist uprising of 1825. The research employs methods of linguistic imagology, linguistic observation, component analysis, as well as structural and comparative methods. An analysis of the lexical tools used by the authors helps to identify the main components of the chosen image from the perspective of portraying one of the key figures in Russian culture and history through the eyes of representatives of the French nation. Throughout the study, the semantic and emotive components of the image of the "Decembrist's Wife" are traced across different time periods.

Keywords: the novel "Je te suivrai en Sibérie" by Irène Frain, the novel "Le maître d'armes" by Alexandre Dumas, the Memoirs of Poline Annenkova, imagological image, French and Russian cultures, reception of the image, representation of the image, imagotheme, the image of the "Decembrist's Wife".

*****

Изучение рецепции характерных черт нации в сознании иного народа приобретает все большую значимость в условиях современного межкультурного дискурса. Особую роль в процессе репрезентации национального образа играет художественная литература, посвященная описанию какой-либо страны, написанная автором-иностранцем для своих соотечественников. Немалую важность приобретает тематика подобных произведений – в частности, большое внимание следует уделять сочинениям, в основу сюжета которых легли реальные исторические события, к примеру, восстание декабристов в России в 1825 году. Стоит отметить, что изучение рецепции образа русского декабрьского восстания с позиции французской культуры приобретает особый смысл ввиду того, что именно идеи французских просветителей вдохновили русских дворян пойти против существующего строя. Более того, женой декабриста Ивана Анненкова была француженка, история которой покорила представителей обеих наций.

В основу исследования легли тексты трех художественных произведений, написанных авторами-французами и посвященных событиям в России 1825 года – «Воспоминания Полины Анненковой» (первое издание относится к 1888 г.) [1], роман Александра Дюма «Le maître d'armes» (1840 г.) [2] и роман Ирэн Френ «Je te suivrai en Sibérie» (2019 г.) [3]. Все три работы тесно взаимосвязаны.

Так, Александр Дюма, воспользовавшись «Записками» реального персонажа О.-Ф. Гризье о его пребывании в России и некоторыми прочими мемуарами и

историческими очерками, вдохновившись историей Полины Гебль (в замужестве Анненковой), издал в 1840 году исторический роман под названием «*Mémoires d'un maître d'armes, ou dix-huit mois à Saint-Petersbourg*» [2]. В повествовании рассказывается история Луизы Дюпюи, прототипом которой стала Полина. Произведение является ярким примером приключенческого романа, написанного для широкой публики и изобилующего как реальными, так и вымышленными деталями.

Впоследствии, предприняв путешествие в Россию, Александр Дюма в 1856 году имел в Нижнем Новгороде неприятную встречу с героиней своего романа, которая, по словам И. Френ, была возмущена вольностями, допущенными им в пересказе событий ее жизни [3, Р. 360]. Согласно версии писательницы, Полина решила написание мемуаров, чтобы поведать миру правдивую историю декабристов. По иной версии, в последние годы жизни Полина Анненкова рассказывала о некоторых происшествиях времен ссылки в кругу семьи и друзей и, в конечном счете, поддавалась на уговоры М.И. Семеновского записать свои воспоминания [1]. Текст носит обрывочный характер, что объясняется тем, что мемуары были записаны по-русски дочерью Анненковых Ольгой со слов матери, которая диктовала на французском языке.

Вероятно, именно франкоязычные черновики дневников Полины впоследствии легли в основу романа Ирэн Френ «*Je te suivrai en Sibérie*» [3]. Сама писательница в 2018 году совершила длительное путешествие в Москву, Санкт-Петербург, Читу, Нижний Новгород и другие населенные пункты, в XIX веке отмеченные пребыванием Полины Анненковой. Повествование ведется от лица самой писательницы и содержит как рассказ о Полине, так и собственные наблюдения и размышления автора.

Таким образом, анализ и сопоставление трех художественных произведений об одной героине, написанных в разные эпохи, с разными целями и для разной аудитории позволяет провести полный анализ специфики рецепции образа России первой половины XIX века и отдельных его составляющих. В частности, особый интерес для настоящего исследования представляет имаготема «Жена декабриста», в которой в произведениях французских авторов воплотилась уникальная суть русской души, решимости и силы духа. Таким образом, исследование осуществляется с позиций лингвоимагологии, объектом которой как раз являются образы «своего» и «чужого», а также «рецепция своего мира или мира других/чужих» [4, С. 7], [5], [6], [7].

Одним из основополагающих понятий имагологии является «имаготема», которую Дж. Леерссен определил как «клише, (...) описывающее образ во всех своих скрытых и сложных противоположностях» [5]. В настоящем исследовании под имаготемой подразумевается некий мотив, описывающий «Другое», повторяющийся в различных текстах и, как следствие, в сознании воспринимающей общности [8]. Таким образом, концепт «Жена декабриста», фигурирующий во всех трех выбранных для анализа произведениях и раскрывающийся в них с позиции разных взглядов и эпох, в рамках имагологического подхода может считаться имаготемой.

Анализ имаготемы «Жена декабриста» в данной работе проводится по модели, предложенной М.Е. Паниной [8], в частности, поэтапно исследуется оппозиция «своего» и «чужого» в тексте, лингвистические средства презентации образа, литературоведческие характеристики произведения и внетекстовый культурно-исторический фон.

Итак, образу девушек, имевших смелость отправиться за своими возлюбленными в Сибирь, в текстах выбранных произведений отведено особое место. Не стоит забывать, что главная героиня сама относится к их числу. В своих «Воспоминаниях» Полина Анненкова большое внимание уделяет детальному описанию действий девушек, как до отправления в Читу, так и после прибытия в поселение ссыльных декабристов. Из текста повествования видно, что трудности для этих женщин начались задолго до путешествия: «...мать Муравьевых, Екатерина Федоровна, которая безумно любила сыновей своих, потом жена одного из них,

Никиты, Александра Григорьевна, рожденная графиня Чернышева, и наконец, я – были самые беспокойные, самые смелые. Мы всем из властей в С.-Петербурге решительно надоели, и от нас не знали, как отделаться» [1, С. 108]. «Декабристок» отмечали смелость и упорство, однако, чтобы отправиться в Сибирь, каждой из них пришлось через многое пройти. Из воспоминаний Ольги, дочери Полины и Ивана Анненковых тяжелее всех приходилось ее матери: «Она была невестой, («...»), притом француженка, не русская подданная, а потому не могла воспользоваться установленными правилами («...»). Ей пришлось преодолеть много препятствий, чтобы приехать к отцу. Но она решилась лично просить государя Николая Павловича о дозволении соединить судьбу свою с судьбою любимого человека» [1, С. 208]. Лексема «решилась» говорит о крайности, до которой была доведена женщина, о ее силе духа и готовности сражаться до конца [9]. Однако предыдущая приведенная цитата доказывает то, что это стремление бороться объединяет всех женщин, последовавших в Сибирь за своими мужьями.

Особое внимание Полина уделяет описанию быта ссыльных: женщинам пришлось организовать переписку с родными («всем заключенным строго было воспрещено писать родным. В этом случае дамы наши заменяли секретарей и поддерживали переписку» [1, С. 183]), о чем сообщается неоднократно; научиться вести хозяйство («просили научить их то сварить суп, то состряпать пирог» [1, С. 173]). Последнему обстоятельству уделяется большое внимание – Полина подчеркивает, что девушки из знатных родов, из-за полученного ими воспитания, не умели выполнять простейшие домашние обязанности: «Но, когда дело доходило до того, что надо было взять в руки сырую говядину или вычистить курицу, то не могли преодолеть отвращения к такой работе, несмотря на все усилия, какие делали над собой» [1, С. 173]. Однако они не сдавались, помогали друг другу и многому учились у француженки, попавшей в их круг и ставшей равной им: «но в этом была не их вина, конечно. Воспитанием они не были приготовлены к такой жизни, какая выпала на их долю, а меня с ранних лет приучила ко всему нужда» [1, С. 173]. Мы видим, как использование слов «доля», «нужда», «усилия» в одном контексте передает всю серьезность положения, тяжесть условий, поставленных женам декабристов. Им был предоставлен выбор: остаться в России и сохранить все привилегии, или уехать и потерять все. И они безропотно покорились, но не сдались. Они хотели быть рядом с любимыми, но первое время им запрещено было даже разговаривать с ними – они нашли выход: «Мы брали с собой ножики и выскабливали в тыне скважинки, сквозь которые можно было говорить». Здесь же приводятся слова А.И. Одоевского, посвященные княгине Волконской: «И каждый день садились у ограды; И сквозь нее небесные уста По капле им точили мед отрады» [1, С. 169]. Лексеммы «небесные» и «отрада», относящиеся к возвышенному стилю, наделяют подвиг жен декабристов некой божественной силой. Обратим внимание, что эта фраза, приведенная в «Воспоминаниях Полины Анненковой», перекликается со многими строками романа «Je te suivrai en Sibérie».

Еще одним испытанием, выпавшим на долю мужественных девушек, стала череда смертей, уносящих мужчин, женщин и детей маленькой декабристской общины: «Все были страшно опечалены смертью одного из своих товарищей», «семья декабристов перенесла новую утрату, которую все долго и горько оплакивали», «в нашей семье смерть унесла сестру» [1, С. 217]. Слова «смерть», «страшно», «опечалены», «утрата», «горько», «оплакивать» не являются уникальными для данной ситуации и не отличают конкретные черты быта декабристов, однако они создают мрачный эмоциональный фон в повествовании и еще раз подчеркивают тяготы, выпавшие на долю отважных девушек.

Таким образом, в «Воспоминаниях Полины Анненковой» имаготема «Жена декабриста» раскрывается, в основном, имплицитно, в высказываниях непосредственной участницы происходящего. Правдивость фактов не вызывает сомнений, однако не все описано подробно, что может быть обусловлено давностью событий, часть которых за долгие годы изгладилась из памяти рассказчицы, или тем, что героиня не придавала большого значения некоторым деталям. В этом случае

стоит обратить внимание на коннотативную составляющую рассказа – описываемые ситуации могут быть наиболее значимыми, но несмотря на то, что в рассказе Полины мало эмоций, ее воспоминания нельзя назвать светлыми.

В наибольшей степени выбранная имаготема раскрывается в тексте романа Ирэн Френ. Изначально, сама фраза «*Je te suivrai en Sibérie*» 'Я последую за тобой в Сибирь' [3, Р. 102] (Здесь и далее перевод наш – А. Козлова), выведенная в название романа, становится символом женского мужества: ради любви шагнуть в неизвестность, пожертвовать всем, научиться вести хозяйство, перенести самые тяжелые испытания, но остаться верными своим идеалам. На фоне всех русских женщин той эпохи, эти личности выделяются, образ становится уникальным.

Изображая своих героинь некими «чудо-женщинами», «*ultrachic*», как называет их Анна Иоановна Анненкова, И. Фрэн неоднократно использует при описании характеров каждой из девушек специфическую абстрактную лексику, и характерные словосочетания, к примеру: «*De l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace*» 'Отвага, снова отвага, всегда отвага', «*Une intelligence vive*» 'Живой ум', «*une volonté de fer*» 'Железная воля' [3, Р. 110, 189]. Соответственно, имаготема «Жена декабриста», благодаря подобному лингвистическому выражению, обрастает семами «отвага (даже дерзость)», «находчивость» и «сила воли» [10].

Одна из частей романа называется «*La bande de Tchita*» 'Банда Читы' [3, Р. 172]. Можно предположить, что в данной формулировке проскальзывает связь с французской имаготемой феминизма, что обусловлено лексемой «*bande*», которая в некоторых контекстах может трактоваться как жаргонизм. Здесь проступает свойственное французам представление о самостоятельности женщин и их независимости, умении вести все дела не хуже мужчин. Благодаря этой параллели, читатель лучше понимает и принимает образ. Он обретает положительную оценочность.

Кроме того, в романе «*Je te suivrai en Sibérie*» образ жен декабристов становится в высшей степени религиозным.

Так, сами жены декабристов наделяются идеей святости. Причём эта сторона образа зреет и развивается на протяжении всего повествования и отражается, в первую очередь, в демонстрации отношения всей нации к подвигу, совершенному их отважными соотечественницами. Он начинается с простой романтизации женщин, однако позже перерастает в нечто большее: «*Il y a un mois, on voyait en elle la femme la plus romantique de Russie. Aujourd'hui, c'est une sainte*» 'Месяц назад в ней видели самую романтическую женщину России. Сегодня она святая' [3, Р. 125]. Мы видим, как упоминание в одном контексте лексем со значением 'женщина', 'Россия' и 'святая' надёжно закрепляют понятие святости за образом русской женщины в сознании читателя-француза. Кроме того, оппозиция грамматических категорий времени глаголов, а также превосходная степень прилагательного наделяют образ русской женщины-жены декабриста уникальной «высшей» исключительностью.

Идея святости и религиозности образа женщин сопровождает его на протяжении всего романа и отражается в огромном пласте лексики. Это, к примеру, слова «*les reliques*» 'реликвии' («*les reliques de l'épopée des huit femmes*» 'реликвии истории восьми женщин'), «*anges gardiens*» 'ангелы-хранители' («*pour lui comme pour les prisonniers, ces huit femmes étaient des anges*» 'для него, как и для заключённых, эти восемь женщин были ангелами'), «*des icônes*» 'иконы' («*les femmes décembristes sont devenues des icônes*» 'Жены декабристов стали иконами' [3, Р. 180, 196, 258]). Мы видим, что образы женщин во всех контекстах отождествляются с предметами культа. Через постоянные лексические повторы, связанные с религиозной тематикой, идея преклонения переносится на восьмерых женщин, совершивших подвиг и покоривших народ не смелыми идеями и борьбой за светлое будущее всей страны, но отважным немым сражением за простое счастье, за скромные, но очень важные ценности семьи, материнства и супружеской верности. Девушки позиционируются писательницей как ангелы. В ходе повествования они преобразуются, изменяют привычной пассивности русских аристократок XIX века, не способных ни вести

хозяйство, ни участвовать в деловых разговорах, и демонстрируют исключительную силу духа, начинают активную деятельность, борьбу за свое счастье.

Еще одним примером, приближающим изображение жен декабристов к божественному началу, является сравнение их доли с мученической. Так, И. Фрэн приоткрывает перед читателем политическую тайну, суть которой заключалась в том, чтобы страдания жен декабристов принесли вечные муки их мужьям. Однако, когда умирает Анни Муравьевна, она становится в глазах сосильных мученицей – символом борьбы против узурпаторской власти: «*on avait vu en elle une héroïne. Après «...» elle devient une martyre*» 'Её считали героиней, теперь она стала мученицей' [3, Р. 233]. Градация значений используемых лексем в этом случае крайне показательна. Николай отказывается исполнить желание девушки быть похороненной в европейской России, и это воспринимается как необоснованная жестокость императора, что только увеличивает силу духа хрупкой женщины в глазах всех верящих и надеющихся.

Эволюция образа не прекращается. Автор отмечает, что из «святых» существ без пола, одинаково добрых ко всем, эти женщины становятся «матерями» для всего сообщества сосильных декабристов: «*Seulement les temps ont changé. Ils voient en elles, non plus des anges, mais des mères de famille*» 'Только времена изменились. В них видят уже не ангелов, а матерей семейства' [3, Р. 227]. Соответственно, расширяется понятие семьи, того идеала, за который боролись эти девушки. В результате этой немой и бесконечной борьбы все героини становятся почти родными друг другу.

Таким образом, в романе И. Фрэн так же, как и в воспоминаниях самой Полины, рассматриваемой имаготеме, помимо сем «отвага» и «сила», присущи также семы «жертвенность», «стойкость», «сострадание» и другие, составляющие основу рецепции русской религиозности французским языковым сознанием. Важно отметить, что приближение к божественному началу выражает крайнюю степень значимости образа этих женщин не только для своих мужей и своего народа, но и для всей русской истории.

В романе Александра Дюма имаготема «Жена декабриста» почти не раскрывается, поскольку автор делает акцент на сюжете. Его интересует лишь судьба героини-француженки, а потому, едва она обретает свое счастье, становясь женой Алексея Анненкова, роман заканчивается. Однако, несмотря на это, Луиза Дюпюи, срисованная с Полины Анненковой, сама точно так же, как и остальные девушки, отправляется за своим суженым. Поэтому цитаты, относящиеся к ее поступку, также могут быть рассмотрены в контексте имаготемы «Жена декабриста».

Так, описывая трудный путь своей героини от принятия нелегкого решения к его осуществлению, А. Дюма, в сущности, выделяет лишь одно семантическое поле с ядром значения «святость». Луиза снова изображается ангелом: «*Je ne m'étais pas trompé : tu es un ange. Je ne puis plus rien pour toi dans ce monde que t'aimer comme une femme et t'adorer comme une sainte*» 'Я не ошибся: ты ангел. Я больше ничего не могу сделать для тебя в этом мире, только любить тебя как женщину и обожать как святую' [2, Р. 413]. Такой видит ее Алексей, такой считает она себя сама, умоляя императора Николая сжалиться над ней и разрешить последовать в Сибирь за возлюбленным: «*Je serai plus qu'une femme, je serai un ange descendu du ciel*» 'Я буду больше, чем женщина, я буду ангелом, спустившимся с небес' [2, Р. 436]. Интересно отметить, что в обоих случаях образ святой ставится выше образа женщины, что так же, как у И. Фрэн, придает имаготеме «Жена декабриста» особую значимость.

Тема страданий затрагивается автором вскользь. К примеру, в разговоре с императором, героиня объясняет, как изменит ее поступок участь возлюбленного: «*alors nous serons deux pour souffrir, et chacun de nous ne sera exilé qu'à moitié*» 'Тогда в страдании нас будет двое, и каждый будет страдать лишь в половину' [2, Р. 436]. Называя глагол «*souffrir*» 'страдать', автор не скрывает сути наказания декабристов, но возвышает, подчеркивает роль женщин, отправившихся вслед за ними в ссылку. Их предназначение – облегчить страдания.

Тот факт, что имаготеме «Жена декабриста» отводится в романе А. Дюма небольшая роль, подтверждается стремлением автора увлечь и заинтересовать

читателей. Несмотря на то, что иногда автор стремится пробудить сочувствие к своей героине, он не ставит цели описывать несчастья тех, кто лишь на несколько секунд попадает в поле его зрения в самом конце повествования. Он прописывает счастливый финал, который обрывается свадьбой Луизы Дююи и Алексея Анненкова. В целом, в романе «Le maître d'armes» складывается яркий положительный образ России и русской монархии, следовательно, автору просто не нужно было описывать страдания, выпавшие на долю тех, кто пошел против власти. Однако даже несмотря на это, роман после издания был долгое время запрещен в России.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что имаготема «Жена декабриста» во французском языковом сознании XXI века, благодаря вкладу Ирэн Френ, выражен намного ярче, нежели в сознании француза-современника Александра Дюма. Последний не ставил перед собой задачу показать отдельно этот образ, он лишь коснулся, выделив только семантические компоненты «святости» и «жертвенности» этих женщин. И. Фрэн дополнила образ концептами «борьбы за счастье» и «материнства». Однако и в том, и в другом произведении, имаготема «Жена декабриста» носит уникальный характер, выделяется из образа русской женщины в целом, становится неким символом той эпохи и примером для подражания.

Что касается текста «Воспоминаний Полины Анненковой», их можно считать, скорее, правдивым образцом, в который И. Фрэн искусно вплела свое видение образа и восхищение им, и на который, в случае анализа романа А. Дюма, можно опираться, сопоставляя долю вымысла и истины.

Итак, результаты проведенного имагологического анализа имаготемы «Жена декабриста» в романах, посвященных истории декабрьского восстания в России XIX века, показали, что, за исключением различной интерпретации в произведениях, написанных в разные эпохи и с разными целями, составляющие имаготемы не изменились. Кроме того, во всех изученных текстах изображение жен декабристов носит ярко-выраженную положительную оценочность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова П.Е. Воспоминания Полины Анненковой: с приложением воспоминаний дочери О.И. Ивановой и материалов архива Анненковых / с предисл. и примеч. С. Гессена и Ан. Предтеченского. / П.Е. Анненкова – 2-е изд. – Москва: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. – 356 с.
2. Dumas A. Le maître d'armes. / Alexandre Dumas // La Bibliothèque électronique de Québec. Vol. 195 : version 1.01. – Paris. Éditions des Syrtes, 2002. – 544 p.
3. Frain I. Je te suivrai en Sibérie / I. Frain – СПб.: Paulsen, 2019 – 281 p.
4. Земсков В.Б. На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки, конец XX – начало XXI вв. / В.Б. Земсков. // Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: Новый хронограф, 2011. – 693 с.
5. Leerssen J. The Allochronic Periphery: Towards a Grammar of Cross-Cultural Representation // Beyond Pug's Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice / C. Barfoot. – Amsterdam; Atlanta; GA: Rodopi, 1997 – 594 p.
6. Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle. – Synthesis. – Bucarest, 1981. – VIII. – P. 169-185.
7. Fischer M. Komparatistische Imagologie. Für eine interdisziplinäre Erforschung national-imagotyper Systeme // Zeitschrift für Sozialpsychologie. / M. Fischer – Bern; Stuttgart; Wien, 1979. – Bd. 10. – Heft 1. – S. 30-44.
8. Панина М.Е. Понятийно-терминологические системы и методологии анализа образа «Другого» в художественно-публицистических текстах / М.Е. Панина // Известия Восточного Института – 2015. – 10 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, под ред. Н.Ю. Шведовой // изд. 17-е, стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 798 с.
10. Dictionnaire Française en ligne – Le Robert [электронный ресурс] – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения: 15.05.2025).